

рины II (тоже Великой, хотя официально поднесенный ей титул императрица не приняла), затем Александра I Благословенного, Александра II Освободителя, Александра III Миротворца. . . Всплеск «светской святости» приходится на царствование Николая I, когда восторжествовали изоляционизм, государственное, конфессиональное и национальное самодовольство, что выразилось в приснопамятной формуле «Самодержавие, Православие, Народность».

Из «богов», населяющих петербургский Олимп, в национальном сознании укоренился и уцелел только Петр. Попытки его свержения «общество» предпринимало неоднократно. Они начались уже в поколении княгини Е. Р. Дашковой — в том поколении, которое воздвигло Медный Всадник и с пиитическим восторгом превозносило Петра в одах. Затем дискредитация и апологетика в приблизительно равных долях становятся органической частью русской культуры. Петровскую тему можно было бы считать модой, если бы не ее «всегдашность», моде противопоказанная. Петр — оселок русской мысли, ее вечная проблема, касающаяся не только историософии, но и религии, не только национального пути, но также национального бытия. Соответственно оценка Петра и его детища, Петербурга, иррациональна. Аналитический аспект подчинен в ней мифологическому.¹⁵ Легко заметить, что интерес к Петру резко возрастает в кризисные эпохи. Это характерно для шестидесятников, затем для начала XX в., это характерно и для нашего времени, когда о Петре стали писать резко негативно — и «правые», и «левые». Психологически такой интерес понятен: суд над победителями (в их черед Петр бесспорно первенствует, он поистине Первый) всегда сопутствует интеллектуальному бунту, но это суд восставшего раба: он хоть и восстал, а все раб.

Идеи «светской святости», вполне естественные для секуляризованных верхов, постепенно проникают и в «прилежащие веры» низы. Те и другие определяют и подвергают освидетельствованию претендентов на место на русском Олимпе, иногда соглашаясь друг с другом, иногда не соглашаясь. Таких претендентов было немало. Исключая пореволюционных «выдвиженцев», исключая «благословенных», «освободителей», «миротворцев», т. е. монархов, — это сплошь Поэты — Гоголь, Некрасов, Достоевский, Толстой. . . О том, что Поэты — одни успешнее, другие хуже — выдержали испытание, свидетельствует самое время. На них не распространяется срок давности, они признаны и остаются, несмотря на спорадические попытки ниспровержения, духовными наставниками нации. Их книги, подобно творениям святых отцов, не подвержены старению и сохраняют качество учительности спустя многие десятилетия. Это чисто русская ситуация. В Рак Романа ничего подобного нет. Ни католики, ни протестанты за ответом на житийские проблемы не обращаются к Гете, Бальзаку

---

¹⁵ См.: *Мамонов В. А. О значении архитектуры в восприятии Петербурга русскими писателями XIX в. // Анциферовские чтения. Л., 1989. С. 115—120.*